

Анна Шнайдер

Тиран моей мечты

<https://litres.ru/74204498>

Аннотация

Я никогда не мечтала о начальнике-тиране. Что же я, сама себе враг? Но жизнь вносит свои коррективы не только в наши планы, но и в мечты. А может быть, мой начальник с жуткой фамилией Чёрный - не такой уж и тиран, как я думаю? Ох, боюсь, мне придётся испытать на себе все грани его замечательного характера...

Внимание! Герой - большая язва с очень сложным характером. Читать с осторожностью: может бомбануть))

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	17
5	21
6	25
7	30
8	34
9	42
10	46
11	51
12	55
13	58
14	66
15	69
16	74
17	79
18	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

1

Конечно, грех желать зла живому существу, даже если это существо – сволочь, тиран и деспот до мозга костей. Но не могу я не желать!

– Ты чего зубами скрипишь, Тин? – поинтересовалась у меня Таня Войнова. Мы с ней ближе всех сидели к кабинету нашего начальника и узурпатора по совместительству.

– Да как тут не скрипеть, – прошипела я, кивая на монитор. – Смотри, что ОН мне прислал!

Пояснять, кто этот таинственный ОН, было не надо. Таня сочувственно посмотрела на меня, а потом на экран.

«Кристина! – гласило письмо. – Заявки на договоры из этого архива должны быть переделаны в собственно договоры до конца рабочего дня».

И ладно, если бы это было всё! Но под этим текстом горделиво красовалась ссылка на ютуб, и я, конечно, кликнула по ней. Там оказалось видео, которое, по-видимому, наш тиран считал забавным и мотивирующим.

Называлось это видео «Хули ты жалуешься?!» Молодой парень, проникновенно сверкая на меня лукавыми глазками, пел что-то типа: «Где-то в Китае дети собирают планшеты и телефоны, чтобы ты тут был весь из себя понтовый. Где-то люди пьют воду из лужи, не опуская заряженного оружия. Так хули ты жалуешься?!»

Придурок.

– Очень смешно, – вздохнула Войнова, плюхаясь обратно за свой стол. – Особенно если учесть, что до конца рабочего дня остался час.

– Угу, – буркнула я, открывая архив. Чтоб ему икалось и пукалось, сволочу.

Заместителя генерального директора юридической фирмы «Юркон» терпеть не могли все без исключения сотрудники. Кажется, его собственная секретарша готова была в любой момент подсыпать яд ему в чай и останавливала её только перспектива сесть в тюрьму. Да и остальные работники не горели желанием играть в «Убийство в Восточном экспрессе» и совершать массовую казнь над тираном.

Но в мечтах Назара Миролюбовича Чёрного каждый из нас убил уже не единожды. Я так вообще укокошивала его по три раза в день. Обычно сразу после прихода на работу, затем ближе к обеду, и в последний раз – перед уходом. Его, конечно, не моим.

Относился он ко мне хуже, чем к остальным, и это было не удивительно. Другие сотрудники давно и прочно получили высшее образование, я же, увы, нет. У меня за плечами были только три курса юридического факультета, чего, конечно, мало для получения высокооплачиваемой должности и уважения такого человека, каким был Чёрный. И у меня ожидаемо не водилось ни того, ни другого.

Устроил меня сюда родной дядя, брат мамы. Она нажа-

ловалась ему, что мы с ней и Юлькой, моей дочерью, скоро сдохнем с голоду. И дядя каким-то невозможным образом умудрился надавить на генерального «Юркона» – владельца фирмы и начальника над Чёрным, – и уговорил его взять меня на работу. Не представляю, как Жуков умудрился уломать Чёрного, но факт остаётся фактом – меня взяли.

Кем – другой вопрос. Официально в трудовой книжке я называлась «Помощник юриста», и зарплата была не сказать, чтобы очень маленькая. Для такого «специалиста», каким я была, точнее, не была, – большая. Но чувствовала я себя при этом преотвратно.

Я находилась здесь из милости, и Чёрный, кажется, спал и видел, чтобы меня уволить. Он всегда терпеть не мог блат и семейственность, и моё пребывание в «Юрконе» было для него как кость в горле. Вот и гнобил, и грузил так, что я уже четвёртый месяц света белого не видела. Хотя, надо отдать ему должное, он никогда не давал мне заданий, которых я не могла бы сделать, не грузил сверх обязанностей. Договоры по шаблонам – это и обезьяна сделает. А если уж меня просили составить договор, то проверял его потом лично Назар Миролюбович. И так отчитывал, когда находил ошибку, что мне сквозь землю хотелось провалиться.

Лучше бы я устроилась продавщицей в магазин возле дома, как и собиралась. Зря мама дяде пожаловалась. Впрочем, я её понимала. Маме всегда было обидно, что её любимая дочка, умница и отличница, умудрилась залететь в двадцать

лет, не закончив институт. На что я всегда с иронией отвечала: «Не такая уж я и умница, как оказалось».

Но я всё равно не жалела. Никогда в жизни не согласилась бы променять Юльку на законченный институт и прочие блага.

Говорю же – дура.

– Алло. Мам...

– Что, опять? – она тяжело вздохнула. – Ладно, Тин. Юльку я из сада забрала, сейчас ужинать будем. Когда придёшь-то?

– К восьми надеюсь управиться. Значит, к девяти ждите.

– Ну, может, хоть успеешь её спать уложить, – вновь вздохнула мама. Я усмехнулась. Хотелось бы верить, что успею. Последние два дня домой я приходила, когда дочка уже спала.

Офис постепенно пустел. Ушла даже Нина Лунгина, начальница судебного отдела – она-то, в отличие от меня, любила задерживаться на работе, но и приходила к двенадцати дня дай бог. Неисправимая сова и любительница кофе. Ни разу не видела её без чашки с этим напитком за рабочим столом.

Вот уж у кого бы мне поучиться. Чёрный на Нину ни разу голос не повышал, обращался к ней всегда спокойно, вежливо. Хотя он и на меня не орал в прямом смысле этого слова, но... Разговаривал так, что сразу становилось понятно, кем он меня считает.

Я как раз приступила к предпоследнему договору, когда Назар Миролюбович вышел из своей приёмной, прижимая к уху телефон.

– Да, Марин. Нет, я же сказал. – Голос его был весьма раздражённым. – Не могу я сегодня. Ну договаривались, и что? Молчание.

– И что прикажешь делать?

Опять молчание. Может, мне под стол залезть? Заметит же сейчас.

– Нет. Послушай, у меня нет времени выслушивать твои претензии. Звони, как успокоишься.

Положил трубку, пробормотав что-то вроде «пошла ты...»

Я сглотнула, и, наверное, сделала это слишком громко – Чёрный поднял глаза от страшно дорогого мобильного-лопаты и уставился прямо на меня.

Меня даже затошнило. Ладно бы, просто разговор, но он явно только что говорил со своей бабой. И я всё это слышала!

Интересно, уже надо начинать молиться, или пока подождать?

– Добрый вечер, – решила я прервать молчание первой. Чёрный сузил глаза.

– Что вы здесь делаете, Кристина?

Кино смотрю, блин. Эротическое.

– Ваше задание, – ответила я голосом смиренной овцы.

– Задание?

Видимо, он забыл.

– Да. Вы прислали мне архив с шаблонами и заявки. И

написали – сделать до конца рабочего дня.

Несколько секунд Чёрный молчал, глядя на меня с холодным равнодушием. Потом перевёл взгляд на часы, висевшие над выходом.

– Скажите, Кристина. Вы умеете читать?

А сколько презрения в голосе. Что я опять сделала неправильно?!

– Умею.

– Неужели? Мне так не кажется. Я написал «до конца рабочего дня». Ваш рабочий день заканчивается в шесть часов вечера. Вы не сделали, следовательно, не справились. И в сущности, неважно, когда вы будете доделывать эту работу – сейчас или завтра утром. Вы не справились.

Я не могла дышать от злости и возмущения.

– С такими успехами, как у вас, Кристина, до конца испытательного срока вы не продержитесь, – продолжал Чёрный спокойно. – Он ведь у вас полгода, верно я помню?

– Верно, – процедила я, с трудом удержавшись от желания метнуть в этого узурпатора чашку из-под чая.

– Очень рад, что так. Значит, мне осталось потерпеть всего пару месяцев, – заключил он, развернулся и пошёл по направлению к выходу, даже не удосужившись попрощаться.

Впрочем, зачем Назару Миролюбовичу со мной прощаться? Вы же не прощаетесь с тараканами, правда?

Юля ещё не спала. Так что я успела и обнять дочку, и даже почитать ей на ночь сказку про Белоснежку.

– Мамуся, ты завтра опять поздно придёшь? – спросила Юля с грустью, моргая сонными глазами. Несмотря на то, что дочке всего три года, говорит она прекрасно, ни с одной буквой проблем нет. По рассказам мамы, я была такая же. И Юля, как и я, уже потихоньку начинает читать.

«В нашу породу пошла, – говорит мама с гордостью. – Такая же умненькая!»

А я не знаю, радоваться мне по этому поводу или огорчаться. Что мама, что я – матери-одиночки. Только она ещё замуж успела выскочить за моего отца, а я даже не собиралась выходить за Олега. К тому моменту, как я узнала о беременности, успела целиком и полностью разочароваться в нём. Он был совершеннейшим прожигателем жизни.

Почему «был»? Разбился на своём мотоцикле через три месяца после рождения Юли, аккуратно 1 января. Сел за руль пьяным и не вписался в поворот.

У дочки тогда часто болел живот, поэтому я не сразу осознала, что именно говорит мне мама. Когда несколько месяцев подряд почти не спишь, мозг становится вязким и вялым, вот и я... поняла, что Олега больше нет, только где-то через сутки.

Конечно, к тому времени я не была в него безумно влюблена, как когда-то, но мне всё равно было больно и грустно. Олег не был плохим – просто безответственным. Безответственно сделал мне ребёнка – впрочем, я виновата не меньше, – безответственно бросил институт, безответственно сел за руль после новогодних возлияний.

И всё равно жаль. Трёхмесячная Юля лишилась отца. Пусть беспечного дурака, но всё же отца.

Я своего тоже лишилась, но не в столь крохотном возрасте. Мне было шесть, когда мама с папой развелись, и он окончательно и бесповоротно ушёл к любовнице. Потом эмигрировал в Европу – и пропал. Последний раз он звонил мне по телефону, поздравляя с десятилетием, но с тех пор мы с мамой ничего о нём не слышали.

Так что... видимо, ум – это одно, а личное счастье – совсем другое. Мама, увы, так и не нашла своего мужчину, да и мне это вряд ли светит. Кому нужен чужой ребёнок? Даже такой умненький.

– Я постараюсь пораньше, Юльчонок, – ответила я, ласково поглаживая дочку по голове. Малышка зевнула, показав жемчужно-белые зубки, и прошептала:

– Постарайся, мамуся. Бабушка...

Что «бабушка», я уже не узнала. Юля склонила голову и сладко засопела.

Я осторожно чмокнула дочку в щёку, получше подоткнула одеяло – чтобы нигде, не дай бог, не задувало, – и вышла из

детской.

Как хорошо, что завтра четверг. Осталось всего два дня до выходных...

Главное – дожить.

*

Мама пила на кухне чай с пряниками, а рядом на табуретке сидел Троглодит и смотрел на неё жадными глазами.

Троглодит – это наш кот. Чёрный, лохматый, с огромными зелёными глазами и порванными в боях ушами. Я пригласила его домой десять лет назад, ещё будучи подростком – спасла от двух бродячих собак, которые хотели им то ли пообедать, то ли просто перекусить. Ух, как мама вопила... Ещё бы – совершенно чёрный, жутко грязный и блохастый кот у нас дома. Она хотела его выбросить, но я закатила истерику. Троглодит же, будучи на редкость умной сволочью, забился под диван в самый угол, и сидел там до тех пор, пока мама не передумала.

О своём решении она, кстати, не пожалела. Кот наш действительно очень умный, умнее некоторых людей. Единственный его недостаток – собственно троглодитость. Сожрать наш домашний питомец может, наверное, даже целого слона – только дай. Но мы, конечно, не даём, следим за рационом. Поэтому он вечно голодный.

Вот и сейчас Троглодит, услышав мои шаги, повернул голову, сверкнул зелёными глазищами и громко сказал:

– Мяу!

– Ты ему не верь, – меланхолично отозвалась мама, отхлебнув чаю из кружки. – Он полчаса назад ел.

– М-р-ряу! – возмутился Троглодит, но маму на «мряу» не возьмёшь.

– Ел-ел, не притворяйся. Следующая порция только в шесть утра. Ночью есть вредно.

– Мыр, – уныло буркнул кот, косясь на пакет с пряниками. Мол, а сама-то!

– Согласна, – подтвердила мама. – Я козявка. Тин, ты чего застыла? Садись, поужинаешь.

– Да не хочу как-то, – вздохнула я, аккуратно садясь на табуретку так, чтобы не потревожить Троглодита. Он любит сидеть между ног или на коленках человека, который ест. Если повезёт, ему тоже что-нибудь перепадает, но это бывает редко. – Аппетита нет.

– Я тебе дам – нет аппетита, – нахмурилась мама. – Ешь, говорю! Там в сковородке картошка и две котлеты. Всё чтобы съела.

Я вздохнула и погладила Троглодита по голове. Он эту самую голову поднял и посмотрел на меня с надеждой. Во взгляде его читалось: «Может, отдашь мне котлеты? Раз сама не хочешь!»

Я не хотела, но мама права – надо поужинать. Вдруг на сытый желудок будет не настолько тошно?

– Ладно, Тин, – сказала мама, явно пытаясь меня утешить, – скоро твой тиран тебя оценит. Вот увидишь.

Я даже хмыкать не стала. Чтобы Чёрный смог меня оценить, я должна делать что-нибудь ценное. Я же выполняю работу, для которой юридическое образование не обязательно, достаточно просто иметь на плечах голову с небольшим количеством мозга.

Увы, подобными достижениями Назара Миролюбовича не впечатлить.

– А ты не хочешь попробовать... м-м-м... одеться пособлазнительнее? – протянула вдруг мама, и я подавилась котлетой.

– Мам!

– Ну а что? – она сделала невинные глаза. Прямо как Троглодит, украдкой сожравший что-нибудь непозволительное. – Ты у нас девушка симпатичная, свободная, а он мужчина молодой и неженатый.

Я запила котлету чаем и ответила:

– Насчёт молодого ты погорячилась. Ему тридцать... шесть, кажется. А «неженатый» и «свободный» при нынешних свободных нравах – не одно и то же.

– Ерунда, – отмахнулась мама. – Современная молодежь недооценивает штамп в паспорте.

Я улыбнулась. Да уж, только нам с мамой и рассуждать о роли штампа в паспорте среди современной молодёжи. С нашим-то опытом семейной жизни.

– Надень завтра не костюм, а платье, – продолжала мечтать родительница. – Голубенькое то. Оно к твоим глазам

подходит.

– Мама, – я не выдержала, – это платице надо носить, когда на улице плюс двадцать, а ещё лучше – тридцать градусов. А сейчас – плюс восемь.

– Красота требует жертв! – припечатала мама, и я решила не спорить. Спорить с ней бесполезно, только нервы себе трепать.

Я-то знаю, что Чёрный не из тех мужиков, которые клюют на женские прелести. Правда, мама на подобное возражение заявила бы, что таких мужиков не бывает.

Бывает, ещё как. И вообще он не мужик, а тиран. Возможно, даже тираннозавр.

Утром следующего дня я ещё успела немного потискать Юльку, а потом убежала на работу.

По моему скромному мнению, на работу надо ходить если не с удовольствием, то хотя бы без ненависти. Я же... буквально заставляла себя вставать с постели, одеваться, завтракать и тащиться в офис.

И я не уверена, что дело только в Чёрном. Он, конечно, тиран и деспот, но я ведь не все восемь часов с ним общаюсь. Бывали дни, когда я его вовсе не видела, а работу свою при этом ненавидела не меньше.

Увы, ещё на втором курсе я поняла, что ошиблась с выбранной профессией. Под впечатлением от книжки «Гнев ангелов» Сидни Шелдона я, семнадцатилетняя дурочка-одиннадцатиклассница, решила стать юристом, а лучше даже адвокатом. В то время я ещё не ведала, что книжки – это одно, а жизнь – совершенно другое. Мама меня, конечно, предупреждала, но упрямством я пошла в неё, поэтому не послушалась.

Училась я всё равно хорошо, несмотря на общее разочарование, но вот работать по специальности больше не хотела. Наверное, многие вчерашние выпускники так – не зная, куда податься, или поддавшись очарованию мечты, поступают в институт, а потом думают: «Нет, это же совсем не моё!»

Маме я так и не призналась. Сначала побоялась, а после было уже не до признаний. Она и без этого схватила за голову, когда её двадцатилетняя дочурка принесла в подоле.

– Такая же дура, как я, – вздохнула мама тогда. Но, к её чести и моему облегчению, про аборт даже не заикнулась. Я бы на неё смертельно обиделась.

Впервые значение слова «аборт» я узнала лет в двенадцать и ужаснулась – как же можно убить своего ребёнка! Всю ночь проплакала, представляя, как маленького человечка выскребают из женщины, и поклялась, что никогда не совершу подобного поступка.

Теперь, конечно, я уже не столь категорична, как в двенадцать – да и в двадцать – лет. Знаю, что аборт бывает и по медицинским показаниям, да и не только. Ну и в целом – не нужно никого осуждать. И пусть сама никогда не решилась бы на такое, других я за это уже не презираю. Видимо, выросла.

Зазвонил стационарный телефон, и я вздрогнула. Кто может звонить мне пол-одиннадцатого? Скорее всего, Назар Миролюбович. Остальные ещё пьют кофе и продирают глаза, а он, как всегда, возмутительно бодр.

Вот, кстати, ещё одна его отличительная черта – кофе он не пьёт. Зато пьёт совершенно не сладкий чёрный чай. Как шутит его секретарь: «Чёрный пьёт только чёрный».

– Алло.

– Кристина, зайдите ко мне.

И бросил трубку.

– И вам здравствуйте, – пробурчала я, вставая с места. Таня Войнова, потеряв глаза и зевнув, негромко поинтересовалась:

– Чёрный вызывает?

– Угу. Интересно, зачем. Вчерашнее задание я отправила ещё... вчера.

– Щас узнаешь, – хмыкнула Таня, и я, одернув пиджак, поспешила в кабинет Назара Миролюбовича.

По пути посмотрелась в зеркало и улыбнулась, вспомнив мамину сентенцию по поводу «одеться пособлазнительнее». Видела бы она, с каким лицом Чёрный на меня смотрит. Об такое лицо можно разбивать кирпичи.

– Доброе утро, – произнесла я вежливо, заходя в кабинет. Что меня всегда поражало в Назаре Миролюбовиче, так это его полнейшая организованность. Всё на своих местах, подписано, на столе ничего не валяется. Вот у Жукова – нашего генерального – в этом плане совсем иначе. Я не представляю, как он сам что-то находит в подобном хаосе.

Чёрный посмотрел на меня абсолютно бесстрастно, кивнул на стул.

– Садитесь.

Я села, разгладила юбку, стараясь не дрожать и не сжимать кулаки. Только в животе что-то бурлило и переворачивалось.

– Вот вам документы, – Назар Миролюбович протянул мне какой-то конверт. – Отвезёте их по адресу, который

здесь указан. Потом вернётесь на работу. Вопросы?

Я посмотрела на конверт. Другой конец города... Он с ума, что ли, сошёл? У нас же курьер есть!

Он, может, и сошёл, но я-то нет. И поэтому я промолчала.

– Нет вопросов, Назар Миролюбович.

– Прекрасно. Идите. – Кивнул и потерял ко мне интерес, уткнувшись в монитор.

Секунды две я ещё сидела на стуле перед начальством, ощущая почти непреодолимое желание ударить его этим самым конвертом по лбу или носу, но в конце концов встала и на дрожащих ногах направилась к выходу.

Действительно, какая разница – я или курьер? Если есть место «ниже плинтуса», то Чёрный сейчас прекрасно указал мне на то, что я именно там.

На улице шёл проливной дождь. В сочетании с сырой промозглой осенней погодой это было очень неприятно, если не сказать хуже. Но меня больше беспокоила не сохранность собственного брэнного тела, а промокаемость документов. Я прекрасно понимала, что со мной сделает Чёрный, если я хоть капельку намочу – или помню, что тоже ужасно – его драгоценный конверт. Поэтому бумажная ценность была предварительно заключена в файл, затем в пластиковую папку-уголок, а после ещё в два пакета. Я искренне надеялась, что этого хватит.

Полтора часа я добиралась до цели и за это время продрогла так, что руки дрожали. В самом же месте назначения я пробыла не дольше минуты – зашла, улыбнулась секретарю синими губами и оставила ей конверт.

– Да-да, – девушка закивала, окидывая меня удивлённым взглядом. – Мы предупреждены, ждём. Спасибо. – И, поколебавшись, добавила: – А что, на улице настолько холодно? Улыбка моя стала слегка истеричной.

Может, мне было бы не так холодно, если бы я была готова к подобным поездкам. Но рассчитывая, что весь день проведу в офисе – а до метро мне от дома идти пару минут, и от метро до работы – тоже, – я не стала слишком уж утепляться. И теперь пожинала плоды собственной глупости.

Точнее, самодурства Назара Миролюбовича.

– Терпимо.

Во взгляде девушки отразилось сомнение, но объяснять мне ничего не хотелось. Я попрощалась и вышла на улицу. Вновь под проливной дождь.

В конечном итоге, перешагивая ещё через полтора часа порог нашего офиса, я выглядела хуже, чем кикимора болотная. Сине-зелёная, с мокрыми каштановыми волосами, облепившими голову, словно шапочка для бассейна, постоянно чихающая и шмыгающая носом. Про хлюпанье в туфлях я молчу. Как и про состояние моего тёмно-синего пальто.

Может быть, мой вид не был бы настолько плачевным, если бы на обратном пути зонт не вывернуло наизнанку сильнейшим порывом ветра. К сожалению, ещё и спицы полома-ло, так что пришлось выбрасывать бесполезную вещь. В ближайших магазинах зонтов не оказалось, из метро с некоторых пор убрали всяческие палатки – убить мало тех, кто это придумал, – и мне ничего не оставалось, кроме как бежать к офису под дождём, сцепив зубы и пытаясь не проклинать Назара Миролюбовича.

– Ничего себе, – почти присвистнула Таня, увидев меня.
– Красивая, слов нет.

– Угу. Среди кикимор я точно завоевала бы первое место.
– Я повесила пальто в шкаф, передёрнув плечами – представила, как буду надевать его вновь через три часа. – Пойду умоюсь и налью себе чаю. Так замёрзла, что чувствую каж-

дую косточку.

– У меня бальзам есть, – шепнула Войнова, округлив глаза. Да, я прекрасно помнила о том, что коллега хранит рижский черносмородиновый бальзам в нижнем ящике тумбочки, прикрыв важными и не очень документами. Она, правда, называла его не «рижский», а «бальзам SOS». Для экстренных случаев, с повышенным коэффициентом опасности для нервных клеток.

– Это хорошо. Пригодится, – кивнула я и поспешила в туалет.

Приводить себя в порядок было в общем-то бесполезно, но я постаралась хотя бы немного прихорошиться, чтобы перестать быть похожей на труп. Умылась, чуть попудрила лицо, тронула помадой губы, а тушью ресницы. Волосы отжала, расчесала и убрала в пучок. Не красавица, но, что называется, с пивом потянет. Или с бальзамом.

Возле туалета у нас стоит кулер с водой, рядом – тумбочка с чаем, сахаром, кофе и прочими полезными штучками. Исключительно для «работяг» – у Чёрного и генерального свои запасы.

Идти за чашкой мне было лень, и, как в дальнейшем оказалось, зря. Я налила в одноразовый стаканчик кипятка, сунула туда чайный пакетик. Поколебавшись, кинула один кушочек сахара, отговорившись тем, что мозгу полезно. И направилась обратно к рабочему месту.

Возле моего стола уже стоял Назар Миролюбович и о чём-

то тихо беседовал с Таней. И то ли он почувствовал моё приближение, то ли я так громко топала, что Чёрный услышал – так или иначе, но он обернулся и смерил меня своим фирменным бесстрастным взглядом.

А потом сказал:

– Надеюсь, документы вы довезли в менее влажном состоянии, чем вернулись сами.

Стаканчик в моей руке оказался безжалостно смят со злости. Секундой спустя я завопила и затрясла обожженной рукой, подпрыгивая на месте от боли.

Что творилось вокруг меня следующую минуту – не знаю. От резкой обжигающей боли на глазах выступили слёзы, поэтому я ничего не видела и толком ничего не слышала – только собственные всхлипы и причитания Таньки Войновой.

Неожиданно меня силой усадили на стул и хорошенько так дали по лицу. До звона в ушах.

Я моментально перестала плакать.

– Наконец-то, – ворчливо произнесли над головой в удивительной полнейшей тишине, неожиданно воцарившейся в помещении. А следом в ту ладонь, что не болела, легло нечто прохладное. – Вот вам мазь. И хватит уже рыдать. Это не смертельно.

Я попыталась разлепить глаза – ресницы склеились от слёз – и сказать спасибо, но не успела. Чёрный ушёл, оставив в моей руке тюбик «Пантенола».

Печатать одной рукой – вторая была вся в мази – когда в обычном режиме ты делаешь это вслепую... да, занятие не из приятных. Я чертыхалась и ненавидела саму себя, но делала это – на почте оказалось несколько важных заданий от Назара Миролюбовича.

Он сам позвонил мне по телефону через час.

– Кристина, зайдите, – буркнул в трубку, даже не дождавшись моего «алло». Я только вздохнула. Ничего удивительного, что у этого гада нет жены – с таким-то характером!

Чёрный сидел за столом, как несколько часов назад, и глядел в монитор. На секунду оторвал взгляд от несомненно чего-то очень важного, осмотрел меня с ног до головы, задержавшись на повреждённой руке, и приказал:

– Садитесь.

Я бы лучше постояла. А ещё лучше – ушла бы. Но раз начальство требует...

Села.

– Я надеюсь, вы успокоились, и теперь можете меня выслушать, – продолжал Чёрный, вновь глядя на меня своим фирменным взглядом, которым вполне можно замораживать овощи, фрукты и прочие продукты. И людей, да. – Кристина, юристу, коим вы мечтаете стать, необходимо уметь контролировать эмоции. Тем более, негативные. Когда вы так явно

показываете свою неприязнь к тому, от кого зависит ваша зарплата и дальнейшая трудовая деятельность, это по меньшей мере глупо, а по большей – непрофессионально. Вы понимаете меня?

– Разумеется, – ответила я, пытаюсь сделать свой голос таким же бесстрастным, как у него. Но мой, увы, дрогнул.

– Я попрошу вас впредь стараться держать себя в руках. Для эмоций место дома, а не на работе.

– Хорошо, Назар Миролюбович.

Он поджал губы. Наверное, думал, что я буду спорить или истерить. Ну уж нет, фиг я позволю тебе меня уволить.

– Свободны. Можете идти домой. Всё равно вы сейчас не особенно трудоспособны.

«Не особенно». Прекрасно выразился.

– Спасибо, Назар Миролюбович, – ответила я почти с искренней благодарностью, встала и вышла из кабинета. С трудом удержалась от того, чтобы не поклониться.

Чёрному бы к рабам на галеры. Из него получился бы прекрасный надзиратель.

*

Кабинет Назара Миролюбовича находится рядом с кабинетом Жукова, а между ними стоит секретарская стойка, за которой восемь часов в сутки сидит Лера – официально она секретарь генерального, но на деле больше Чёрного. Ну и наш общий, конечно.

Увидев меня, Лера сочувственно улыбнулась, кивнув на

повреждённую руку.

– Ты как?

– Живая, – я подошла ближе. – Как выяснилось, ожог не такой уж и сильный. Просто обширный... И испугалась от неожиданности.

– Ясно. Ну ничего, до свадьбы заживёт.

Я рассмеялась.

– До чьей?

– До твоей, конечно, – Лера подмигнула, перебирая какие-то бумаги. – Девчонка ты красивая, молодая. Выско-
чишь в ближайшее время, я думаю.

Я только хмыкнула. И в этот момент у Леры зазвонил стационарный телефон.

– Да, Назар Миролюбович.

– Лера. – Динамик в трубке был отличный, поэтому я прекрасно слышала, что и каким тоном говорит Чёрный. – Сделайте мне чаю, пожалуйста. И скажите Кристине, чтобы шла домой и не отвлекала вас от работы.

Гудки. Лера положила трубку на место и тихонько рассмеялась.

– Ничего смешного, – шепнула я, бросая опасливый взгляд на дверь в кабинет Назара Миролюбовича. – И за что он меня так не любит, не пойму...

Секретарь перестала смеяться, кашлянула и тоже негромко сказала:

– Дурочка ты, Тин. Сразу видно – молодость, жизни не

знаешь. Да если бы Чёрный тебя так не любил, как ты думаешь, ты бы отсюда вылетела ещё в первый месяц работы.

Я нахмурилась. Да, эта мысль приходила мне в голову.

– Ты же работаешь, и более того... – Лера тоже покосилась на дверь. – Я сейчас дам тебе кое-что посмотреть. Так, для сведения. Проболтаешься – собственным канцелярским ножом зарежу!

– Может, не надо? – Я даже слегка испугалась.

– Надо-надо, – отмахнулась Лера. – А то ты Чёрного так и будешь гадом считать, что несправедливо. Вот. – Она достала из папки какой-то листочек. – Гляди. Это список сотрудников, который я подписывала у Назара сегодня утром. На премирование. Не делай такие глаза, юбилей у нас скоро, десять лет фирме, вот Жуков и распорядился. А я лоханулась – распечатала прошлогодний, не глядя, забыла, что ты у нас недавно. Короче, смотри, а я пока чай сделаю. Иначе он сейчас опять позвонит...

Лера отошла к шкафу с чаем, включила чайник, который стоял рядом на тумбочке. Чёрный кулеров не признавал, заставлял кипятить воду, причём эту самую воду для него покупали отдельно. Жуков ею, конечно, тоже не брезговал, но он чаще пил кофе из кофемашины и не возражал, если Лера заливала туда кулерную воду.

Пока секретарь гремела приборами и наливала заварку из аккуратного керамического чайника – да, пакетики шеф тоже не признавал, – я изучала список сотрудников. Надо при-

знаться – с открытым ртом.

Внизу, под всеми остальными фамилиями, рукой Чёрного было выведено – «Попова Кристина, премия 50% от оклада». У других было больше – 70 и 100 %. Но они тут явно дольше, чем я. У меня ведь испытательный срок ещё не кончился, какая премия...

– Ну, чего? – подошедшая Лера забрала листок и усмехнулась, взглянув в моё ошарашенное лицо. – Что думаешь?

– Я пока не могу думать, – призналась я. Чёрный... своей рукой написал! Ладно бы просто приказ подмахнуть. Но он обо мне вообще вспомнил! С ума сойти.

– Назар строгий, конечно, и характер у него тяжёлый, – сказала Лера серьёзно. – Но он не будет специально топить и увольнять того, кто действительно старается и цепляется за работу. Выдержишь прессинг – ещё и похвалит. Главное – не воспринимай всё на свой личный счёт, поняла?

И только я собралась ответить, как из кабинета раздалось громкое и раздражённое:

– ЛЕРА!

– Иду! – крикнула она, подмигнула мне и поспешила к Чёрному, чуть звеня подпрыгивающей на блюде чашечкой.

По пути домой я позвонила маме, предупредила, что меня пораньше отпустили с работы и я зайду за Юлькой в садик.

Дочка была в восторге от того, что я пришла за ней, да ещё и раньше, чем её обычно забирала бабушка. Всю дорогу прыгала и тараторила, рассказывая обо всём на свете, а я слушала и улыбалась, ощущая, как светлеет на душе.

Внешне Юля совершенно не похожа на Олега – только на меня. У неё такие же прямые волосы, тёмные и блестящие, почти чёрные. Большие голубые глаза, светлая кожа, чёткие брови – цыгане обзавидуются – и ровный прямой нос. Красавица моя!

Мы все похожи – я, мама, Юлька. Именно поэтому я и опасаясь, что на ней тоже будет этот «венеч безбрачия». Но в любом случае загадывать пока рано.

Дома кроме мамы обнаружился ещё дядя Серёжа – мамин брат, тот самый человек, благодаря которому меня взяли в «Юркон».

– А вот и мои племяшки! – он широко улыбнулся, подхватывая Юльку на руки. – Ух! Давай-ка с тобой полетаем, Юляшка!

Дочка заливалась хохотом, пока я снимала пальто и переобувалась в домашние тапочки. Сразу же захотелось выпить чаю и лечь спать – настолько уставшей я себя чувствовала.

– Иди, посиди немножко на кухне, Тин, – сказала мама, погладив меня по спине. – Бледная ты какая-то.

Да, я вся была бледная – ну, кроме обожженной руки, которую я старательно прятала от цепких маминых глаз.

– Надо Юльку умыть и переодеть.

– Я сама. А вы с Серёжей идите на кухню. Скоро будем ужинать.

Я попыталась возразить, но дядя, обладавший не меньшим упрямством, чем мы с мамой, уже тянул меня на кухню, и сопротивляться было совершенно бесполезно. Иначе он, чего доброго, сломал бы мне руку.

– Ну, рассказывай, – хмыкнул дядя Серёжа, усаживаясь на табуретку сам и усаживая на соседнюю меня. – Как тебе на новой работе?

«На новой». Можно подумать, у меня была «старая» работа. «Юркон» ведь моё первое место трудоустройства.

– Нормально, – ответила я, но голос дрогнул, и дядя Серёжа сразу распознал подвох.

– Понятно. Тяжело, да? Жуков говорил, что у его партнера, с которым тебе придётся больше всего контактировать, сложный характер. Неужели настолько?

– Угу, – я иронично улыбнулась, вспомнив Чёрного. Почему же он выписал мне премию?.. Здорово было бы узнать, но представляю, что будет, если я спрошу у него нечто подобное.

– Слушай, Тин, – дядя Серёжа вдруг пересел чуть ближе

и понизил голос. – Прими добрый совет. Сила женщины – не в силе, извини за тавтологию, а в слабости.

– Можно подумать, я с ним на ринге борюсь... – пробормотала я.

– Не на ринге. На ринге женщины с мужиками не сражаются, Тин. Там-то как раз всё решает сила. А вот по жизни...

Дядя Серёжа многозначительно замолчал, и я иронично улыбнулась.

– Ты тоже, как мама, считаешь, что мне надо надеть платье с декольте поглубже?

– Можно и так, – он подмигнул. – Но лучше просто будь помягче. Ты же у нас как стена бетонная, Тинка. Любой мужик отскочит, как мячик. Будь поласковее, поделикатнее, улыбайся почаще... глазками моргай. А потом можно и... платье.

Угу. Улыбайся, глазками моргай... Да Чёрный меня за подобное...

Хотя... Вот Нина ему улыбается вроде. Не сказала бы, что она моргает глазками, но ведёт себя с шефом вполне мило. Не напрягается, как я.

А я вот каждый раз каменею, словно он не Назар Миролюбович, а как минимум Змей Горыныч.

– У любого из нас, – продолжал между тем дядя Серёжа, – каким бы специалистом он ни был, часть мозга находится... на кончике сама знаешь чего. Это наша слабость, а для женщин – их сила. Ну, Тинка. Поняла?

– Поняла, – вздохнула я, потянувшись за зефиром. Испорчу аппетит перед ужином... ну и плевать.

Мне нужно было срочно заесть собственные фантазии. Когда дядя Серёжа сказал про кончик сама знаешь чего, я резко представила шефа... без штанов.

Наверное, я сегодня простыла, пока с этими документами по городу бегала...

Юлька выбежала из ванной с визгом, следом за ней нёсся слегка влажный Троглодит, за которым, ворча, шла мама.

Троглодит вспрыгнул на колени к дяде Серёже, а Юлька повисла на мне. И мне даже не надо было спрашивать, в чём дело: я прекрасно знала, как наш кот любит прогуливаться по бортику ванной, а дочка брызгать на него водой. Он в это время недовольно фыркал или даже чихал, и Юлька заливалась счастливым хохотом. Она-то в силу возраста не понимала, что Троглодит смотрит на неё со снисхождением, как большой мужчина на маленькую девочку. У него мозгов пока намного больше, чем у Юльки.

– Что случилось? – спросил дядя Серёжа, почесав Троглодита за ухом. Кот с интересом косился на стол: нет ли там чего вкусенького? Увы, на столе лежал только зефир, а зефир был как раз одним из тех немногих продуктов, переварить которые Троглодит не мог.

– Безобразники, – вздохнула мама, но расплылась в улыбку, глядя на счастливую Юльку. – С трудом умыла. Пришлось и Троглодита умывать, а то она без него отказывалась.

– Ма-а-а-ама-а-а! – между тем восторженно вздыхала дочка мне на ухо. – А мы будем кушать?

Кот заинтересованно дёрнул ухом.

– Будем, – я усадила Юльку на колени поудобнее и обняла.

– И даже вот так.

Она радостно пискнула. Дочь обожала обедать или ужинать, сидя у меня на коленях, но позволяла я ей это очень редко, в последнее время не чаще раза в пару недель.

– Тина, – мама укоризненно покачала головой.

– Да ладно, – махнул рукой дядя Серёжа. – Дай девочкам расслабиться. Особенно Тинке. Вон какая замученная. Накладывай лучше... что там у тебя?

– Плов. Только предупреждаю: Троглодиту ничего не давать! Он сыт.

Кот возмущённо посмотрел на маму и протестующе мяукнул.

– Да, сыт! – подтвердила она. – Ты понял, Серёж?

– Понял, – ответил дядя безмятежно. И он, и я, и уж тем более мама знали: дядя Серёжа не удержится и обязательно скормит Троглодиту хотя бы кусочек мяса из плова.

Они вообще были родственными душами, и во многом благодаря дяде мама когда-то разрешила оставить кота насовсем.

Да и в принципе много хорошего произошло в нашей семье благодаря дяде Серёже. Он был старше мамы на десять лет, но несмотря на это всегда её поддерживал, очень любил и с удовольствием общался со мной. Своих детей у него не было, хотя он жил в браке с одной-единственной женой уже больше двадцати лет. Но вот – не сложилось.

Наверное, по этой причине дядя Серёжа и тётя Даша так

активно участвовали в моём, а после Юлькином, воспитании. Помогали, поддерживали финансово. Когда контора, в которой мама работала последние пятнадцать лет, закрылась – это было примерно полгода назад – если бы не помощь дяди Серёжи, не знаю, что бы мы делали.

И мне на самом деле грех на него жаловаться за «Юркон». Он же не знает, что я давно расхотела быть юристом. Зато он знает, что я всегда очень мучилась, когда он давал нам с мамой деньги, и хотел как лучше.

Иногда я не понимаю, почему настолько глупым и безответственным людям, как я, даются дети, а кому-то вроде ответственных и мудрых тёти Даши и дяди Серёжи – нет. Несправедливо.

Я спросила у него это однажды. Мол, как думаешь, почему так. Он пожал плечами.

– Значит, так надо. Да ладно тебе думать об этом, Тинка. Мы с Дашей счастливы.

Я только вздохнула.

Юлька между тем, получив нашу с ней совместную порцию плова на большой тарелке, нетерпеливо схватила ложку, а дядя Серёжа, оглядываясь на маму, которая в эту секунду накладывала уже себе, украдкой пихал Троглодиту кусочек курицы. Кот, не будь дурак, быстро всё схомячил и сделал невинные глаза.

Так что, когда мама обернулась и с подозрением оглядела притихших нас, у всех присутствующих за столом были аб-

солютно безмятежные лица.

– Ясно, – хмыкнула мама, садясь по правую руку от дяди Серёжи. – Шкода.

– Октавия? – тут же спросила Юлька, и я вздрогнула от неожиданности. Только через секунду поняла: нет, это не матерное слово. Марка машины.

– Это ты где услышала? – поинтересовался дядя Серёжа.

– В детском саду, – ответила дочка важно. – Воспитательница сказала, что все мы тут шкоды октавии. Я только не поняла, что это. Ты знаешь, дядь Серёж?

Я нервно рассмеялась. Видимо, воспитательница в этот день была в плохом настроении. Она у нас вообще хорошая, с отличным чувством юмора и громким командирским голосом. По-другому с группой этих... шкод октавий невозможно.

– Это такие машинки, Юльчонок. Небольшие, но быстрые.

– А-а-а, – протянула дочка и задумалась.

Я решила отвлечь её от рассуждений о машинках и предложила начать ужин. Мама с дядей Серёжей эту идею радостно поддержали, а уж Троглодит – тем более.

Так что через пару минут все шкоды октавии были Юлькой позабыты. Не знаю уж, надолго ли, но больше в этот вечер она ничего подобного не вспоминала.

*

Утром я рассматривала содержимое шкафа, немного стес-

нясь. И даже чуть краснея. Честно говоря, стоило подумать о Чёрном как о мужчине – и меня накрывало таким смущением, что хотелось, как страус, спрятать голову в песок и не высовываться.

Стесняшкой я никогда не была, просто... неправильно это как-то. Он всё-таки мой начальник. И действовать на его... нижний мозг... нехорошо.

Пыхтя, как сломанный паровоз, я всё же выбрала платье, но вполне приличное, тёмно-серое, с юбкой до колен, рукавами-колокольчиками и небольшим декольте. Грудь оттуда выглядывала, но не сильно.

Когда я вышла из комнаты, мама поглядела на меня с явным одобрением.

– Уже лучше. Скучновато, конечно... но пойдёт. Ты только наклоняйся почаще. Когда ты в этом платье наклоняешься, край лифчика видно.

У меня свело челюсть.

– Хорошо, что не край трусов.

Мама фыркнула.

– Трусы – это пошло. А вот чулки... Купи себе чулочки, Тин. Знаешь, как это мужиков заводит?

– Понятия не имею, – огрызнулась я, кидая в сумку мобильный телефон. Он страдальчески обо что-то стукнулся и возмущённо завибрировал. Чёрт, не дай бог сломается. Терпеть не могу менять мобильные телефоны. Надо следить за эмоциями.

На улице было прохладно, моросил дождь, и я расчихалась – видимо, всё же простыла. Только выйдя из дома, почувствовала небольшую боль в горле, да и в целом мне было слегка зябко. Добегалась...

Хорошо хоть рука почти не болит – помогла мазь.

Вспомнив, как Назар Миролюбович усадил меня на стул, дал пощёчину, а потом удалился, всучив мазь, я чуть не полетела в лужу. С одной стороны, мне надо бы сердиться – пощёчина была неслабой, хотя и не до синяка. Так, шоковая терапия. А с другой – он же принёс мазь. Пока я истерила, сходил, нашёл где-то – и принёс. Ещё и вспомнил, как именно называется! Может, у него дети есть?

Ага. И внуки.

Хватит рассуждать, принёс и принёс. А то ты сейчас до-рассуждаешься до того, что влюбишься без памяти. А что? Красивый, успешный, да ещё и мазь принёс. Романтика!

Только Чёрный меня ни в грош не ставит, и это автоматически превращает его достоинства в недостатки.

Перед входом в «Юркон» я столкнулась собственно с тем персонажем, о котором думала всё утро. И кажется, покраснела так, что любой баклажан рядом со мной смотрелся бы скромной белой розой.

Назар Миролюбович оглядел мою персону с ног до головы, на секунду задержавшись на торчавших из-под пальто ногах, и открыл дверь, пропуская меня внутрь.

– Доброе утро, – сказала я вежливо, проходя мимо него

и... запнулась о порожек. Чёрный аккуратно придержал меня, обхватив рукой за талию, и мне вдруг стало жарко. Всё, точно заболела.

– Доброе, Кристина. Осторожнее, – произнёс Назар Миролюбович, тут же выпуская меня из этих невольных секундных объятий.

– Постараюсь, – пробормотала я, проходя дальше.

Шла по коридору и спиной чувствовала его взгляд. А может, мне кажется, и нет там никакого взгляда? Точнее, взгляд есть, но направлен он не на меня.

И вот... зачем я обернулась?!

Чёрный действительно шёл следом и смотрел на мой... зад. Мама и дядя Серёжа, будьте вы прокляты! Если бы не вы со своими рассуждениями, я и не подумала бы оборачиваться. И не видела бы ничего, и не краснела бы опять, чувствуя, как сердце бьётся где-то в глотке.

Заметив мой взгляд, Назар Миролюбович поднял глаза – невозмутимые, спокойные тёмно-карие глаза. На миг в них промелькнуло нечто насмешливое, но почти сразу исчезло.

Я поспешно отвернулась и пошла быстрее. В конце концов, подумаешь! Ну посмотрел он на твою задницу, Тинка, мужик всё-таки, не робот. Задница у тебя красивая, чего бы не посмотреть?

Всё, заканчивай рассуждать. А то от смущения сейчас и правда начнёшь биться головой о пол, строя из себя страуса.

Но я смогла вздохнуть спокойно только после того, как

Чёрный прошёл в свою приёмную, гулко хлопнув дверью.
Нет, всё! Больше никаких платьев.

Я наивно полагала, что мне удастся успокоиться, погрузившись в работу, но погрузиться не получилось – минут через десять из приёмной Назара Миролюбовича раздались дикие крики. Суть через стенку до нас не долетала, но мы с Таней дружно вжали голову в плечи: ТАК орал Чёрный редко. Что же там случилось?..

Ещё через какое-то время дверь, ведущая в приёмную, распахнулась, и начальство обвело притихших сотрудников бешеным взглядом.

– Попова! – рявкнул Чёрный, и я подпрыгнула. – Перемещайтесь на компьютер Леры. Будете отвечать на звонки, всё записывайте, что говорят. Если спросят меня – просите перезвонить в конце дня. Быстро!

И так он это сказал, что я и не подумала спрашивать – а почему, собственно, я? Я ведь не секретарь. Но думаю, если бы я издала хоть звук, то огребла бы по полной. Видок у Назара Миролюбовича был очень... угрожающий.

Поэтому я, захватив с собой сумку, послушно пошла в приёмную. Я думала, Чёрный пойдёт следом, но он, кажется, и не собирался – вообще вышел прочь из офиса.

А минут через пять, когда я, растерянная, пыталась понять, чем заняться, в приёмную заглянула Таня.

– Там Лера в аварию попала, – заявила она с порога, и я,

ужаснувшись, вытаращила глаза. – Ага. Вообще не понятно, жива или нет. Дурдом. Когда увозили, вроде была в сознании, даже телефон свой отдала мужику какому-то, чтобы на работу позвонил, предупредил. А тот ни бэ, ни мэ, ничего толком не знает.

– А ты-то откуда знаешь? – удивилась я, и Таня пояснила:

– Чёрный по дороге Нине позвонил, объяснил.

Ну да. А мне объяснять не надо – посадил вместо Леры, и всё.

Чёрт. Вместо Леры?! Это что же... Мне придётся быть секретарём вместо неё?!

Нет. Нет-нет-нет...

– Он сейчас, как я поняла, пытается вызнать, где Лера, чтобы её матери сообщить и сыну.

– Сердобольный, – съязвила я, переживая настоящий приступ паники.

– Ну они ведь уже десять лет вместе работают, с самого первого дня. Чёрный Лере и с разводом помогал. Муж её бывший – та ещё козлина, и Назар Миролюбович так сделал, чтобы он к ребёнку без разрешения не приближался.

– Святой, – пробурчала я, нервно разглаживая платье на коленях. Ладони вспотели, да и не только они. Лоб тоже покрылся панической испариной.

– Не святой, – хмыкнула Таня. – И характер у него не нордический. Просто если ценит – всё сделает.

«А меня не ценит», – подумала я, но вслух не сказала.

И вообще нехорошо это – о себе думать, когда там с Лерой непонятно что.

В этот момент зазвонил телефон, я шикнула на Таньку и сняла трубку.

– Кристина, вы слышите меня?

Голос у Назара Миролюбовича был спокойный, но по шуму на заднем плане было понятно – начальство в дороге.

– Слышу.

– У Леры в компьютере должна быть телефонная книжка. Контакты. Скорее всего, в почте, но я не уверен. Найдите её и скиньте мне телефон Бориса Вельяминова.

– Хорошо.

А вот мой голос дрогнул. Не могу сказать, что я гений компьютерного сыска...

– Кристина, – Чёрный заговорил с нажимом, – запишите. Борис Вельяминов. Записали?

Точно. И правда же – не дай бог забуду...

– Да.

– Тогда дальше. Посмотрите почту, рассортируйте пришедшие письма и отправьте их тем, кому они предназначены. Если не разберётесь – оставьте до моего приезда.

– Хорошо.

Наш диалог продолжался ещё минут пять, и когда Чёрный наконец положил трубку, перед глазами у меня уже туман стелился.

Найти, отнести, передать, позвонить, сказать. Я же не сек-

ретарь! Господи, да я даже не юрист! Я ведь не умею. А вдруг перепутаю? Он же меня сожрёт.

– Ладно, Тинка, – сказала я себе, вздохнув. – Паникуй-не паникуй, а всё равно работать придётся. Не справишься – уволит, дело-то житейское.

Но как же не хочется не справиться! Вроде казалось бы – ерунда, подумаешь. Но вот... не хочется.

Хочется, чтобы этот тиран меня похвалил.

Мечты, мечты...

Каждое задание, надиктованное Чёрным, оказалось не то, чтобы сложным... трудновыполнимым. Только пароль от компьютера я искала час, почти рыдая от невозможности позвонить Лере. И честно говоря, после подобных поисков я оказалась совершенно деморализована.

Назар Миролюбович вошёл в приёмную ближе к вечеру, когда за окном уже стемнело, и к тому времени я не сделала даже половину списка. Единственное, что я в полной мере успела – это смириться с увольнением.

Вот этот пункт из моего собственного списка удался на славу. Остальное же...

– Кристина, сделайте мне чаю, – буркнул Чёрный, не посмотрев на меня, и скрылся в кабинете.

Чаю. Чёрный пьёт только чёрный – это я помню. И без сахара.

В заварочном чайнике, слава богу, заварка ещё была – надеюсь, вчерашняя его устроит. Я быстро вскипятила воду, налила чай в небольшую чашечку, как до этого при мне делала Лера, и пошла в кабинет к Назару Миролюбовичу.

Он, выглядевший сейчас не менее чёрным, чем его фамилия, перебирал документы, которые я пару часов назад сваляла на его стол без всякой сортировки. Мне даже стыдно стало.

Но он ничего не сказал, только расчистил место под чашку и кивнул.

– Ставьте.

Как она звенела! Я ужасно боялась разлить этот чёртов чай, руки мои тряслись, и пара капель всё-таки оказались на блюде.

Спасибо тому, кто придумал блюдца. Никогда не понимала, зачем они нужны, и только теперь осознала в полной мере.

Чёрный сразу сделал глоток и тяжело, устало вздохнул.

– В шкафу большая кружка есть, Кристина. Можете в неё ещё чаю налить? И там вазочка с печеньем стоит, тоже принесите.

Я моргнула. Печенье из той вазочки я на нервной почве хомячила целый день, и сейчас там остались только крошки. Но я же не знала, что это ЕГО печенье! Я думала, оно Леры!

– Извините, Назар Миролюбович, – прошелестела я сухим листочком, – печенья нет.

Он чуть нахмурился.

– Как это – нет? А куда оно делось?

– Я съела...

Уголки губ Чёрного дрогнули, и мне показалось, что он собирается улыбнуться. Нет, показалось.

– Тогда несите просто чай, – сказал в конце концов бесстрастно, и я, вся одеревенев, развернулась и вышла из кабинета.

Налила в большую кружку горячего напитка, почувствовав лёгкую панику из-за того, что заварка кончилась, а я без понятия, в каких пропорциях Лера её насыпает. Сделаю ещё слишком слабой или, наоборот, сильной...

Вот я дура. У меня там половина списка не сделана, а я тут про чай рассуждаю.

Назар Миролюбович между тем уже допил первую чашку и чуть ли не выхватил у меня вторую.

– Как там Лера? – спросила я тихо, сама поражаясь своей смелости.

– Черепно-мозговая, сломаны рука и нога, – ответил Чёрный так спокойно, будто протокол зачитывал. – Пока непонятно, когда сможет вернуться к работе.

И замолчал. Я нервно переступила с ноги на ногу.

– Назар Миролюбович... – Он поднял на меня взгляд. – А я... теперь буду работать... тут?

Что же я так мямлю-то, прости господи.

Начальство вздохнуло, кивнуло на стул перед своим столом.

– Сядьте, Кристина.

Я послушно села, расправила платье.

– У вас есть несколько вариантов. Вариант первый – поработать на месте Леры неделю, пока мы не найдём временного секретаря. Может, справимся быстрее. Вариант второй – совмещать. Зарплата, соответственно, будет больше. Но, говоря откровенно, я не уверен, что вы справитесь.

Я тоже.

– Поэтому предлагаю попробовать первый вариант. Хотя меня лично больше устроил бы второй. Привыкнуть к вам в роли секретаря мне будет проще, чем к новой девице. Да и вы всё же в курсе хотя бы некоторых дел.

В курсе я была весьма слабо и вообще не представляла, как буду работать с Чёрным пять дней в неделю по восемь часов в сутки. Я же умру.

– Ну? Что скажете?

«Ничего не скажу. Завешу ковром, она и не увидит», – подумала я словами Шерлока Холмса, стреляющего в стену миссис Хадсон из револьвера.

Но Назар Миролюбович – не миссис Хадсон. С ним никакие ковры не работают.

– Я не знаю, – призналась я, вновь разглаживая платье на коленях. – Я не уверена, что...

– Кристина, вы не могли бы прекратить?

От неожиданности и удивления я подняла глаза и посмотрела прямо на Чёрного. Он тоже смотрел на меня, и с явным таким раздражением.

– Прекратить... что?

– Во-первых, мямлить. А во-вторых, гладить себя. С тех пор, как вы сели на стул, вы всё строите из себя уют. Хватит. Вы меня раздражаете.

«Вы меня тоже».

– Я... постараюсь, – ответила я сквозь зубы, усилием воли

заставляя руки не двигаться и застыть на коленях.

– Прекрасно. А теперь подумайте несколько секунд и скажите мне, какой вариант предпочитаете.

Может, лучше сразу уволиться? Никакой я вариант не предпочитаю.

– Первый, – выдохнула я, кажется, залившись краской. Ну конечно – Чёрный ведь отлично понял, что я струсила. Я видела это по его глазам и появившейся на губах ироничной усмешке.

– Хорошо, Кристина, – голос Назара Миролюбовича, несмотря на это, был совершенно бесстрастным. – Я постараюсь найти замену за неделю. А пока расскажите мне, что вы сделали из того списка дел, который я надиктовал вам по телефону.

Вот и смерть моя пришла...

Смерть всё же прошла стороной, помахав ручкой. Хотя слушал меня Чёрный с постепенно мрачающим лицом, убивать не спешил. И орать тоже не стал. И только после того, как я сказала, что понятия не имею, по какому принципу сортировать почту по адресатам, спокойно произнёс:

– Пойдёмте, посмотрим, что там у вас, – и встал из-за стола. Я тоже встала и пошла следом.

Возле рабочего места Леры Назар Миролюбович притормозил, пропустил меня вперёд, и я села за компьютер. Чуть напряглась, когда Чёрный разместился сзади и сказал:

– Показывайте.

Прозвучало это примерно как приказ раздеваться. Боже, о чём я?..

Я нервно щёлкнула мышкой по первому же письму. И задержала дыхание: Назар Миролюбович наклонился надо мной, чтобы видеть лучше, и его голова оказалась рядом с моей правой щекой.

Приятный запах мужского парфюма пощекотал ноздри, как только я вновь смогла вдохнуть. Нестерпимо захотелось повернуться и посмотреть на Чёрного. Зачем? Понятия не имею.

– Так, дайте-ка я погляжу. – Его рука отодвинула в сторону мою, берясь за мышку. – Ясно. Это в гражданский на-

до переслать, Вадиму. Видите, скан договора на обслуживание? Кристина, я думал, вы уже разобрались с нашей структурой. Судебный отдел занимается любыми судами, от бракоразводных процессов до авторского права, гражданский – обслуживанием клиентов.

Чёрный чихвостил меня и мой интеллект, а я...

Давно я не ощущала ничего подобного. Какое-то нечеловеческое волнение, и сердце колотилось, словно я только что после пробежки. А внизу живота порхали те самые бабочки, вызывая дрожь во всём теле.

– Кристина? Вы меня слышите вообще?

– Слышу, – ответила я глухо. Назар Миролюбович вдруг развернул кресло, в котором я сидела – и меня вместе с ним – к себе лицом и, нахмурившись, посмотрел мне в глаза.

– Сомневаюсь, – пробормотал он, дотрагиваясь ладонью сначала до моих щёк, а потом до лба. – Вы в курсе, что у вас температура?

– Нет.

Я действительно была не в курсе. Когда думать о себе, если весь день на нервах?

– И сильная причём. Собирайтесь и идите домой, в понедельник всё обсудим, если не разболеетесь. – Он ещё раз прикоснулся к моему лбу и покачал головой. – Вы потрясюще безответственны.

– Спасибо, – я не удержалась от шпильки, но, к своей чести, сказала это абсолютно спокойным голосом. Чёрный по-

смотрел на меня немного удивлённо, но никак не прокомментировал этот выпад. Выпрямился, перестав наконец нависать надо мной, и заявил:

– Я вызову вам такси. У вас точно хватит ума больной в метро разъезжать, а если ещё и вы заболаете, это будет катастрофа.

Я чуть усмехнулась. Ну да, я прям такой ценный кадр... Если бы не авария и временная недееспособность Леры, хрен бы Назар Миролюбович обратил внимание на мою температуру.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарила я... и закашлялась. Чёрный нахмурился сильнее.

– Кристина, я надеюсь, вы вызовете врача? Не станете заниматься самолечением?

– Пока не определилась, – ответила я, и Назар Миролюбович вдруг так рявкнул, что я подпрыгнула:

– Чтобы вызвали! Научитесь уже думать головой, в конце концов! Вам она дана не только для того, чтобы чужое печенье в неё засовывать.

Сволочь. Должна же я была что-то есть!

И вообще – нашёл, чего жалеть! Какие-то печенки!

– Я вам новое куплю, – буркнула я, надувшись, как обожравшийся хомяк.

– Что? – не понял Чёрный.

– Печенье куплю. В понедельник принесу.

– Ерунду не говорите, – поморщилось начальство. – Сами

лучше приходите, а печеньем я себя могу обеспечить. Всё, Кристина. Быстро одевайтесь, я сейчас такси вызову.

Чёрный развернулся и ушёл. А через пять минут, когда я наматывала на шею шарф, выглянул из кабинета и сообщил, что такси ждёт меня внизу – белая шкода октавия.

Я улыбнулась и поблагодарила уже искренне:

– Спасибо.

– Не за что, – ответил он раздражённо и хлопнул дверью.

Оказалось, что Назар Миролюбович заранее заплатил за такси. Этот факт меня настолько поразил, что я всю дорогу озадаченно молчала, а потом не сразу вспомнила код от подъезда.

Прийти домой пораньше – конечно, блаженство, но не когда у тебя температура переваливает за тридцать восемь градусов. И чем ближе была ночь, тем хуже я себя чувствовала.

Мама сразу увела Юльку – не хватает ещё, чтобы и она заболела. Дочка не капризничала – она прекрасно знает, что находиться рядом с заболевшим членом семьи не стоит.

Зато ко мне пришёл Троглодит. Лёг в ноги, посмотрел с укоризной и сказал:

– Мяу.

– Согласна, – подтвердила я. – Дура. Ещё какая.

Кот второй раз мяукнул, устроился поудобнее и задремал. И я, выпив на ночь лекарство от простуды, последовала его примеру.

В результате я отлёживалась все выходные. Усиленно лечилась – пила фервексы-колдрексы, чай с мёдом и лимоном, полоскала горло, капала в нос и спала. Не могу сказать, что выздоровела, но к вечеру воскресенья чувствовала себя гораздо лучше.

– Может, отпросишься ещё хотя бы на денёк? – спросила

мама, когда я перед сном пила очередную порцию волшебного зелья от простуды, лежа в кровати.

– Нет, – покачала головой я, глядя на градусник. Отлично. – Температуры нет, потопаю на работу. Не хочу подводить. Найдут замену Лере – тогда поболею.

– Главное – до этого не скопытиться, – вздохнула мама. – Оденься завтра потеплее. И никаких платьев.

– Неужели? – усмехнулась я и закашлялась.

– А смысл? Красный сопливый нос – это совершенно не сексуально. Если только этот твой Назар не какой-нибудь извращенец.

– Он не мой.

– Твой. Начальник твой. А всё остальное уже от тебя зависит.

– Ты же сама только что сказала про красный сопливый нос.

– Краснота когда-нибудь сойдёт...

– Угу. И сопли прекратятся.

– И сопли, – согласилась мама. – И вообще. Испеки ему что-нибудь.

– Испечь? – протянула я удивлённо. Про печенье я ей не рассказывала – как-то неловко было...

– Да, испеки. Путь к сердцу мужчины, сама знаешь... Только не сейчас! Потом, когда болеть перестанешь. Печенье или пирожки, платье...

– И полный пипец, – заключила я, рассмеявшись. Но ве-

селье моё продолжалось недолго – я поперхнулась смехом, когда мама сказала:

– И четвёртое пэ – презервативы.

Нет, это уже не пипец. Это п**дец!

– Что ты на меня так смотришь, Тинка? Второй раз залететь хочешь? Носи с собой в сумке всегда. Мало ли.

– Мало ли что? – прохрипела я, шаря рукой по тумбочке. Где тут... что-нибудь... Чем бы в неё швырнуть?!

– Сама знаешь. Или ты уже забыла, как это бывает, когда от страсти крышу срывает?

– Мама!!

– Тихо. Юльку разбудишь.

– Изыди!!

– Ушла, ушла, – хихикнула эта... провокаторша и скрылась за дверью.

Страсть... Презерватив... Да мне вообще нельзя о таком думать применимо к Назару Миролюбовичу!

Нельзя. Нельзя, я сказала!!!

На работу я пришла чуть раньше Чёрного. И не в платье, а в костюме, строгом и застёгнутом на все пуговицы, с убранными в тугой узел волосами. Лицо у меня было слишком бледное, но я старательно запудрила его ещё дома, чуть подвела губы и подкрасила глаза. Даже красный нос загримировала, правда, стоило только один раз высморкаться – и он вновь становился красным. Почти как пятно крови в замке с Кентервильским привидением.

Я успела включить компьютер и теперь напряжённо размышляла на тему, какой чай и сколько закидывать в заварочный чайник, когда у меня вдруг зазвонил стационарный телефон.

– Алло, – произнесла я в трубку с опаской. Неужели Чёрный проверяет, на месте ли я?

Но это была Лера.

– Привет, Тина! – сказала она вполне жизнерадостно, хотя и хрипловато. – Меня Назар Миролюбович попросил тебя немножко проинструктировать.

– Изверг, – вырвалось у меня.

– Да ладно, – хмыкнула Лера. – Я быстро. В верхнем ящике тумбочки ежедневник мой лежит, в нём на первой же странице – все пароли от моего компа, почты и компьютеров всех сотрудников, исключая Чёрного и Жукова.

– Нашла в пятницу...

– Молодец. Почту проверь. Я послала тебе архивчик с инструкциями. Изучи, там немного. Файл по почте, по служебным документам и договорам, по звонкам и встречам, а ещё – по личным пристрастиям Назара.

– О! – я обрадовалась. – И про чай там есть, да?

– И про чай есть. Короче, всё, что есть – всё твоё. Звони, если будут вопросы, ладно? Одна рука у меня рабочая, да и голос есть, подскажу, если что.

Мы поговорили ещё минут пять о её здоровье, а затем я положила трубку. И как раз вовремя – в приёмную уже заходил Чёрный.

В тёмно-синем костюме, белой рубашке и сером галстуке, с бесстрастным, но хищным лицом, он выглядел просто отлично. И никаких красных носов...

– Доброе утро, Назар Миролюбович, – сказала я, непроизвольно поднимаясь с места и начиная разглаживать пиджак. Секунд через пять, поймав недовольный взгляд Чёрного, дёрнулась и опустила руки.

– Доброе, Кристина. Лера вам уже звонила?

Начальство подошло к шкафу, достало из дипломата упаковку с печеньем, открыло её, высыпало печенье в вазочку и вновь посмотрело на оторопевшую меня.

– Кристина? – Голос стал раздражённое. – Я задал вам вопрос, потрудитесь ответить.

Я отмерла.

– Звонила, Назар Миролюбович.

– Хорошо, – он сразу потерял интерес к этой теме и зашагал к своему кабинету. – Сделайте мне чаю, пожалуйста.

– Да, сейчас, – ответила я и вздрогнула от громкого хлопка закрывшейся двери.

Даже не спросил, как я себя чувствую, сволочь...

*

Минут через пятнадцать, как только чай более-менее заварился, я постучалась в кабинет Чёрного и, услышав краткое «да», вошла внутрь. Поставила перед ним на девственно чистый стол чашку и уже собиралась уходить, когда Назар Миролюбович попросил:

– Принесите печенье, пожалуйста. Вы ведь не успели его съесть?

– Не успела, – я даже обиделась. – Не волнуйтесь, я больше не буду есть ваше печенье.

– Да ешьте на здоровье, – ответил он спокойно, поднимая чашку к губам и делая глоток. Абсолютно бесшумно. – Я ещё принесу.

Я промолчала, твёрдо решив: нет, печенье Чёрного я трогать не буду. Лучше голод, чем вражеская еда.

Сходила за вазочкой, поставила её на стол перед начальником. Он тут же захапал печенюшку и поинтересовался, бросив на меня краткий внимательный взгляд:

– Как вы себя чувствуете, Кристина?

Сердце забило чаще.

– Сносно, Назар Миролюбович.

– Хорошо, – он не стал развивать эту тему, кивнул мне на стул. – Садитесь, берите ручку и бумагу. Записывайте.

Минуты две Чёрный диктовал мне задания на день, делая длинные паузы и по три раза объясняя одно и то же, из-за чего я почувствовала себя идиоткой. Но всё равно была ему благодарна: благодаря этим паузам и объяснениям я стала более уверенной и не запаниковала, даже когда вышла из кабинета.

Начала я с разбора писем на почте, и в самый разгар этой работы зазвонил стационарный телефон.

– Компания «Юркон», добрый день, – вовремя опомнилась я и задвинула назад привычное «алло».

– Добрый, – сказала трубка гнусавым мужским голосом, – это ресторан «Манго», насчёт вашего заказа.

И только я хотела возмутиться – ничего же не заказывали! – как вспомнила, что Чёрному каждый день на обед привозят еду из ресторана. И в пятницу тоже привозили, я поставила её на столик возле дивана в его кабинете и забыла о ней. Даже не знаю, куда она потом делась – наверное, Назар Миролюбович либо всё съел, либо выбросил.

– Да?

– Овощного супа-пюре сегодня нет, зато есть борщ. Заменишь?

Я задумалась. Честно говоря, не видела ни одного мужика в этой жизни, который не любил бы борщ. Удивляет скорее

овощной суп-пюре... Но, может, у Чёрного по понедельникам диета?

– Хорошо. Заменяйте.

Гнусавый сотрудник ресторана что-то пробормотал и отключился. А я и думать забыла про этот случай почти сразу, настолько погрузилась в текущие дела.

Через час к Назару Миролюбовичу пришли первые посетители, потом ещё одни. Затем явился генеральный, которому тут же понадобился кофе, а после они с Чёрным вдвоём засели в кабинете Жукова, и вышел Назар Миролюбович оттуда как раз когда привезли обед. Схватил свои коробочки, кивнул мне:

– Кристина, вы тоже можете пообедать.

Да какой уж тут обед? Лерину-то работу я всю переделала, а свою? У меня там ещё с четверга завал на завале.

– Постараюсь, – ответила я дипломатично, но Чёрный, кажется, даже не расслышал – ушёл к себе обедать.

Минуты две я относительно спокойно работала, а потом дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник злой-презлой Назар Миролюбович.

Я сглотнула. Ну что там может быть не так? Котлета пригорела? Но при чём тут я? Не я же жарила!

– Кристина, зайдите, – процедил Чёрный, дождался, пока я встану, развернулся и ушёл обратно в кабинет.

Когда я зашла, Назар Миролюбович стоял над своим деревянным обеденным столиком и мрачно смотрел на собствен-

ный обед. Я закрыла дверь, подошла, встала рядом.

– Что это, Кристина?

Я оглядела одну коробку, другую. Салат какой-то, борщ и нечто вроде лазаньи. Никаких пригоревших котлет.

– Обед.

Чёрный вздохнул.

– Кристина. Вы издеваетесь? Вы хотите, чтобы я умер?

Я захлопала глазами.

– Нет. Конечно, нет. Но...

– Тогда почему вы пытаетесь меня отравить?! – рявкнул он так, что я пошатнулась.

Отравить?.. Но я к этим коробкам даже не притрагивалась!

– Назар Миролюбович, я не понимаю... – пробормотала я, глядя на рассерженного шефа с растерянностью. – Что не так?

Он вновь вздохнул, затрепетав ноздрями.

– Вы вообще читали то, что прислала вам Лера?

– Ну... да.

Не всё, конечно, всё я пока не успела. Но то, что касается его личных вкусов – да! Я же должна была знать, как ему чай заваривать.

– Врёте, – заключил Чёрный, и мне захотелось по-детски разрыдаться. – И не стройте из себя обиженную. Если бы вы читали то, что прислала Лера, то знали бы, что я вегетарианец.

– Кто? – пискнула я.

– Вегетарианец! – рявкнул Назар Миролюбович. – Я не ем мясо уже пятнадцать лет. А этот борщ – с мясом!

И начальство указало на упомянутый борщ перстом. Если бы борщ мог, он бы покраснел ещё сильнее от собственной неловкости, что был сварен на мясном бульоне.

– Вы хотите, чтобы я в больницу попал? – продолжал возмущаться Чёрный. – Что это за диверсии, Кристина?!

Что я могла сказать? Что Лера ничего не писала про вегетарианство? Не поверит. Поэтому остаётся одно.

– Простите, пожалуйста, – повинилась я, – больше не повторится. Я всё учту, честное слово.

– Надеюсь, – процедил Назар Миролюбович. – Заберите эту гадость. Я от одного запаха чуть не скончался. Представляю, что со мной было бы, если бы я хоть ложку съел.

Он бы не съел, конечно. Одна из моих однокурсниц была вегетарианкой, она говорила, что после года «воздержания» чувствуешь мясо всюду, и от этого запаха сразу начинает тошнить. Но... надо же покричать.

– Извините.

– Кристина, – произнёс Чёрный по-прежнему раздражённо, – давайте так: раз вы не умеете читать, я вам сейчас всё расскажу сам. Может, вы так лучше запомните. Я не ем мясо, пью только чёрный чай без сахара. Люблю сладкое, особенно печенье, но на шоколад у меня аллергия. Терпеть не могу навязчивые запахи, особенно – запах роз. Вроде бы немного

информации. Вы сможете запомнить?

Было так обидно. Просто ужасно.

– Смогу, – уронила я, чувствуя, как дрожат губы.

– Идите, – процедил Назар Миролубович, глядя на меня без всякого сочувствия. – И не вздумайте плакать. У меня клиенты через сорок минут, нечего им красными глазами отсвечивать. Дома порыдаете.

Сказочная сволочь.

Вернувшись на рабочее место, я решила проверить себя и на всякий случай открыла файл, который прислала Лера.

Инструкция по завариванию чая там была, но больше ничего. Я даже ещё раз скачала файл с почты, проверяя – может, битый? – но нет: пусто.

Значит, я всё-таки не такая идиотка, как Чёрный думает. Утешает ли это меня? Не очень.

Я была страшно деморализована после случившегося. Рыдать не стала, несмотря на то, что очень хотелось. Постаралась взять себя в руки и продолжила работать.

Но последствия стресса не заставили себя ждать – у меня дико разболелась голова и, кажется, поднялась температура. Я заварила порцию чудо-зелья от простуды, выпила, но легче не стало. Зато спать захотелось так, что я зевала каждые пять минут.

Один из таких зевков и увидел Чёрный, выходя из кабинета в сопровождении клиентов – двоих мужчин пенсионного возраста. Увидел, нахмурился – и я поперхнулась. Сон как рукой сняло.

– Кристина, – обратился ко мне Назар Миролюбович, когда клиенты ушли, – некоторые вещи нужно делать не столь демонстративно. Например, зевать. Покажите-ка мне свои руки.

Я послушно подняла ладони.

– Видите, они у вас есть. Целых две. Одной вы вполне можете закрыть рот во время зевания, а ещё наклонить голову, чтобы никто не увидел. Или подобные манипуляции для вас слишком сложные?

Господи, как я его ненавижу.

– Нет, не слишком. Я постараюсь.

– Будьте добры, – рявкнул он напоследок и вновь прошёл к себе.

Ближе к вечеру у меня перед глазами кружились чёрные мушки. От усталости дрожали руки, от голода свело желудок, и мыслей не было никаких. Даже желания поскорее уйти с работы тоже не было. Ничего не было.

В пять часов я по просьбе Чёрного послала одному важному клиенту составленный самим Назаром Миролюбовичем договор, и через десять минут зазвонил стационарный телефон.

– Кристина, вы послали договор? – В голосе было вселенское раздражение.

– Да.

– Тогда почему там его не получили?

– Не знаю. Я послала.

– Проверьте. И перезвоните.

Бросил трубку. Я послушно открыла отправленные письма, проверила.

Поначалу мне показалось, что всё в порядке. Я должна

была послать договор Анастасии Титовой, но вместо неё в адресатах значилась Александра Титова.

Переживать не было сил, я просто осознала – собственно, всё. Можно собирать вещи. Послать конфиденциальную информацию по почте другому человеку! Непростительно.

– Назар Миролюбович, я могу зайти?

Я решила, что говорить подобное надо в лицо. Чтобы не перестать уважать себя.

Хотя... глупо. Чёрный меня вообще презирает.

– Заходите.

И бац трубку.

Клянусь, я даже не волновалась. Только перед глазами темнело всё сильнее и сильнее... И я почти не видела ни своего начальника, ни его кабинет, лишь какие-то цветные мерцающие пятна. И тошнота подходила к горлу.

– Я ошиблась, Назар Миролюбович, – сказала я, не садясь. К чему садиться, если тебя сейчас прогонят? – Послала договор не Анастасии, а Александре Титовой.

Секундное молчание. А потом...

– Да вы!.. – взревел Чёрный, и я провалилась в темноту.

Ох, как же тошнит. Кажется, сейчас вырвет.

Нет, не вырвет. Нечем.

Лица коснулось что-то прохладное, и стало легче.

– Кристина, вы слышите меня?

Я простонала нечто невнятное, и мне в губы ткнулся стакан, а в нос ударил резкий запах.

– Выпейте.

Я усилием воли открыла глаза. Лицо Чёрного было так близко, что я могла рассмотреть каждую его чёрточку, каждую морщинку.

Красивый... был бы. Если бы не был такой сволочью.

– Не... надо... – прошептала я, пытаюсь отодвинуться от стакана, в котором явно плескалась водка. – Я... не ела... Хуже... будет...

Назар Миролюбович нахмурился, поставил стакан на столик. Только сейчас я осознала, что лежу на его диване, а он сидит рядом, практически обнимая меня одной рукой и склонившись над моим лицом.

– Почему вы не ели, Кристина?

Надо же, не орёт. И спросил спокойно, даже без раздражения.

Я пожала плечами. Разве объяснишь в двух словах? А на большее я не была способна.

– Понятно. Я вызвал скорую, сейчас приедут, посмотрят на вас, скажут, в чём дело.

– Не надо, – попросила я тихо. – Отмените. Я просто... переволновалась. И не ела... И простуда не до конца ушла... Сама виновата.

– Я всё же предпочту послушать, что скажут врачи, – ответил Чёрный спокойно и вновь провёл смоченным в воде платком мне по лицу, а затем дотронулся ладонью до щеки. – Температура у вас точно есть, и большая. Что же вы молчали? Надо было отпроситься.

Я посмотрела на него с удивлением.

– Понятно. Боитесь меня, да?

Я сглотнула, и он чуть заметно усмехнулся.

– Боитесь, вижу.

– А я вас бешу, – прошептала я, ощущая, как к щекам приливает жар. – Можно сказать, квиты.

– Бесите? – повторил Назар Миролюбович задумчиво, вглядываясь в моё лицо. – Да нет. Не больше, чем другие молодые глупые девушки.

– Спасибо. Я уже поняла, что вы обо мне думаете. Не обязательно повторять.

– Нет, вы не поняли. Вы не глупы, Кристина. Если бы вы были глупы, не выдержали бы здесь и месяца. Вам не хватает профессиональных знаний, уверенности в себе, стрессоустойчивости. Но это можно наработать.

Я сплю, наверное. Сейчас Чёрный был не слишком похож

на себя – говорил со мной мягко, совсем не как обычно. А ещё одна из его рук – та, в которой был влажный платок, – лежала на моём плече, и Назар Миролюбович иногда задумчиво его поглаживал.

На пятом таком движении я ощутила странную тяжесть в груди, а от самых пяток до плеча побежали мурашки. Я прерывисто вздохнула, на секунду прикрыла глаза... а когда открыла их, лицо Чёрного оказалось ближе, и смотрел он на мои губы.

– Хотите честно? – он вдруг поднял руку, оставив платок лежать на плече, и двумя пальцами коснулся моих губ. – Я сначала думал, что вы любовница Жукова.

От возмущения я открыла рот, и пальцы Назара Миролюбовича проникли чуть глубже. Внизу живота затянуло, закрутило... давно я ничего подобного не ощущала...

Но я не должна. Не должна!

– Не зря же он так вас продвигал... Но я быстро понял, что ошибся. Я до сих пор не знаю, кто вы ему, но точно не любовница. Я прав?

Я кивнула, и Чёрный наконец убрал ладонь с моих губ. Ну как, убрал... Он положил её мне на живот. Ничего не делал, просто положил, но кожа в этом месте будто загорелась.

– Кристина, вы молодец. Вы делали ошибки, много ошибок, но они неизбежны. Так всегда в начале карьеры. Да и у меня характер не сахар, сегодня вы это особенно хорошо поняли, правда?

– Правда, – ответила я хрипло. Что происходит? Неужели он... хвалит меня?

Но Назар Миролюбович замолчал, задумчиво глядя мне в глаза, и я решила спросить сама:

– Вы... уволите меня? За эту... Титову?

Он вздохнул.

– Нет.

– Правда?! – я так обрадовалась, что не заметила, как подалась вперёд и положила обе руки ему на грудь. – Я... ох...

Вспышка смущения – и я попыталась отнять руки, но Назар Миролюбович не дал. Перехватил их, прижимая к себе крепче, и ответил практически мне в губы:

– Правда.

Внизу живота целый узел скрутился... Что же это... Нет, я знаю, что... Но что с этим делать?

Его дыхание щекотало губы и щёку, сильные ладони сжимали мои руки, и всё, чего мне хотелось – закрыть глаза и прижаться к этому человеку ещё крепче. Невероятно приятно...

– Тина... ложитесь, – прошептал Назар Миролюбович, опуская меня обратно на диван, и иллюзия рассеялась. – Скоро врачи приедут. И не волнуйтесь, не уволю я вас. Просто в следующий раз, во-первых, обедайте, а во-вторых, перепроверяйте всё. Договорились?

– Да, – ответила я, вздыхая. – Я буду очень стараться. Честно.

– Я знаю. Вы старались все эти месяцы.

– Вы... заметили?

– Конечно.

– Поэтому выписали мне премию?

– А, – едва заметная усмешка, – Лера донесла? Ну да, кто же ещё... Да, Тина, именно поэтому я выписал вам премию.

– Спасибо, – поблагодарила я тихо, закрывая глаза – голова кружилась.

Как жаль, что Чёрный такой хороший только сейчас, после моего обморока. А завтра вновь превратится в тирана и сволоча... Но я постараюсь запомнить его таким.

Может быть, тогда мне будет легче смириться с ним – тираном?

Скорая приехала минут через пять, я как раз успела задремать на этом диване. Меня посмотрели-пощупали, померяли давление и сказали ровно то же самое, что я говорила Назару Миролюбовичу: недолеченная простуда, усталость, нервный стресс. Так что «лекарство» простое – простуду долечить, отдохнуть, не нервничать. Даже смешно, и как я это буду осуществлять?

Потом скорая уехала, и Чёрный, вновь присев рядом со мной на диван, заявил:

– Выбирайте. Либо сначала вы ужинаете, а потом я вас отвожу домой, либо я сейчас вас отвожу, и вы ужинаете дома сами.

Я испуганно заморгала.

– Ужинать?.. Я дома, конечно. И не надо отвозить, я сама!

– В метро после обморока? Отличная идея, Кристина. Я бы даже сказал – гениальная.

Да, он уже начинает превращаться обратно в знакомого мне тирана.

– Я могу на такси доехать. Только платить сама буду, а не как в прошлый раз.

– Кристина! – проревел Чёрный, я вздрогнула, и он понизил голос. – Я не собираюсь с вами спорить. Я вас отвезу. И это не обсуждается.

Ну да, тиран и диктатор.

И проще согласиться, чем спорить с этим бараном.

– Хорошо. Тогда ужинать буду дома.

– Бога ради. Вставайте, одевайтесь, поедem, а то рабочий день уже закончен.

Я похолодела. Чёрт! Надо немедленно позвонить маме!

Я резко вскочила с дивана, пошатнулась... и непременно повалилась бы в лучшем случае обратно на диван, а в худшем – на пол, но мне не дали. Назар Миролюбович бросился вперёд и подхватил меня, не дав упасть. Прижал к себе и, заглянув в глаза, процедил:

– Кристина, вы способны сначала думать, а потом делать? Я сказал «вставайте», а не «вскакивайте». Это большая разница!

– Извините, – прошептала я, не в силах отвести взгляд. Какой же он... крепкий, горячий, уверенный в себе. И руки на моей талии... Хотелось, чтобы он сжал их сильнее, прижал к себе крепче, чтобы коснуться грудью груди.

Сумасшедшая.

– Да при чём тут «извините»! – возмутился Чёрный. – Вы так себя угробите за неделю! Прекращайте. Не съем я вас. Завтра дома побудете, если станет легче – в среду выйдете. Нет – вызовите врача. Хватит геройствовать!

Назар Миролюбович говорил, а я рассматривала его губы. Тонкие, но решительные, и под нижней – небольшая морщинка, которая становилась чётче и резче каждый раз, когда

он сердился, делая его лицо ещё недовольнее.

И эта ямочка на подбородке... Так и хотелось поднять руку и нажать на неё пальцем.

А щетина на щеках, наверное, колется.

Тина... ты точно свихнулась.

– Кристина! – Чёрный чуть тряхнул меня, возвращая с небес на землю. – Что с вами?

Я хотела сказать «вами люблюсь», но прикусила язык.

– Простите, задумалась.

– Идите, одевайтесь, – вздохнул он так, словно мечтал придушить меня вместо того, чтобы отвезить домой. – Только осторожнее, пожалуйста. Если будет нужна помощь – зовите.

Назар Миролюбович выпустил меня из объятий, и я послушно посеменила в приёмную.

*

Минут через пять, когда Чёрный вышел из кабинета, одетый в своё дорожное чёрное пальто, я по-прежнему сидела в Лерином кресле и с грустью глядела в пространство.

– Кристина? Вы ещё не готовы?

– Нет, – вздохнула я и честно призналась: – Я никак не могу надеть сапог. Один надела, а второй...

– Ясно.

Назар Миролюбович обогнул секретарскую стойку, встал передо мной на колени – я испуганно вытаращила глаза – взял одной рукой мою ногу, другой – сапог, и нацепил сапог

мне на ногу.

Пальцы пробежались по щиколотке, и меня так сильно бросило в жар, что показалось – сейчас макушка задымится.

А Чёрный между тем как-то чертовски медленно застёгивал молнию...

– Знаете, Кристина, – сказал он вдруг, усмехнувшись, – при вашей стеснительности я удивляюсь, как у вас вообще ребёнок появился.

Удивление от того, что начальник знает про Юльку, погасило возмущением от сказанного про стеснительность.

Много он понимает! Никогда я так не стеснялась, когда со сверстниками в институте общалась. Но сейчас же совсем другая ситуация! И сидящий передо мной на коленях Назар Миролюбович никак не вписывался в мои понятия о том, что есть «нормально».

– Я сама удивляюсь, – ответила я тихо, вкладывая в эти слова совершенно другой смысл, а не тот, который уловил там Чёрный. Удивляюсь, как я решилась рожать Юльку, удивляюсь, как до сих пор не уволилась отсюда. Удивляюсь, что вы, Назар Миролюбович, стоите тут передо мной на коленях. И уже не занимаетесь сапогом – он давно надет. Вы гладите мою ногу...

Всё выше и выше... Спасибо, что я в брюках.

Но от дрожи это не спасало.

– Вам, кстати, очень идут платья. Вы были очень женственны в пятницу, Кристина. Зря опять переключились на

костюмы.

Ответить я не успела – Чёрный наконец отпустил мою ногу, встал и протянул мне ладонь.

– Поднимайтесь. Сейчас принесу ваше пальто. Пора заканчивать этот ужасный день, правда?

– Разве он был ужасным... для вас? – удивилась я, послушно принимая его руку и поднимаясь.

– Был, – тяжело уронил Назар Миролюбович, поворачиваясь к шкафу с одеждой. – И ещё неизвестно, чей день был ужаснее: мой или ваш.

Я улыбнулась, опуская голову.

С учётом того, что мой день был ужасен из-за вас, начальник, то да, конечно... Ваши страдания не могут быть соизмеримы с моими. Ни при каких условиях.

Мне всегда нравились джипы, с детства. У дяди Серёжи как раз джип, чёрный такой. А у Чёрного, наоборот, тёмно-синий.

Но красивый всё равно, и чистый, разумеется.

А ещё внутри легко и приятно пахло туалетной водой – или что у него там? – Назара Миролюбовича. Очень ненавязчиво, едва уловимо, но я всё равно почувствовала – и затрепетала ноздрями от удовольствия.

Юльке было полтора года, когда со мной на улице познакомился симпатичный мужчина по имени Вадим. Мы начали встречаться. И пока просто гуляли и разговаривали, всё было нормально, но стоило только зайти в помещение или сесть в машину, как меня начинал душить запах его туалетной воды. И я ужасно стеснялась в этом признаться. В конце концов, кто я такая, чтобы просить поменять парфюм? Не жена, не невеста.

Дело постепенно шло к интиму... и тут я сказала Вадиму про Юльку. Решила быть честной. Что ж, эта честность в итоге стоила мне отношений – он просто перестал звонить.

С тех пор я говорила про дочку сразу, ненавязчиво так упоминая, что она у меня есть. Количество желающих познакомиться поближе поклонников резко сократилось до нуля. Симпатичная девушка – это хорошо, но симпатичная де-

вушка с маленькой дочерью – совсем другое дело.

– Пристегнитесь, – буркнул Чёрный, садясь за руль. Я послушно щёлкнула ремнём и откинулась на спинку сиденья, прикрывая глаза – от света их немного резало.

Водил Назар Миролюбович отлично, впрочем, что он делает не отлично? Даже интересно. Может, он плохо готовит? Или храпит? Не удивлюсь, если и это тоже без изъянов.

У начальства зазвонил телефон, и я приоткрыла глаза. Почти приехали...

– Алло. Да, я слушаю, Екатерина Игоревна. Через... час, да. Ярик поужинал? Хорошо. Зевает? Ну, не ждите тогда меня, укладывайтесь. Хорошо, спасибо.

Чёрный положил трубку, а я крутила-вертела в памяти прошедший разговор. Ярик?..

– Назар Миролюбович...

– Да?

– Простите... А Ярик – это ваш сын?

Боже, Тинка, ты окончательно свихнулась. Нашла кому вопросы задавать.

Но Чёрный не возмутился, спокойно ответил:

– Да, сын.

И тут я ляпнула глупость.

– А я думала, вы не женаты...

Он покосился на меня с раздражением, но быстро перевёл взгляд обратно на дорогу.

– Кристина, вы тоже не замужем, однако дочь имеете.

Этот факт вас не удивляет?

– Я женщина, – возразила я. – Для женщин это более типичная ситуация.

– Согласен. Но это не значит, что нетипичной ситуации вообще не может быть.

Тут уже пришлось признать мне:

– Согласна.

Я думала, Чёрный продолжит, но он молчал. Партизан...
А мне ведь интересно!

– Ярик – это Ярослав?

Кажется, он скрипнул зубами.

– Да.

Ярослав Назарович Чёрный. Жуть! С другой стороны, Назар Миролюбович Чёрный – ещё хуже.

Задать ещё один вопрос я не успела – начальство притормозило возле моего подъезда. Вышло со своей стороны, обошло машину, открыло дверцу и помогло мне выбраться наружу.

– Я повторю на всякий случай, – отчеканил Назар Миролюбович, сурово глядя мне в глаза. – Завтра дома. Если станет легче, в среду придёте на работу, если не станет, вызываете врача и берёте больничный. Всё поняли?

– Поняла, – кивнула я... и вдруг улыбнулась. Сама не поняла, почему.

И удивительно – лицо Чёрного чуть смягчилось.

– Тогда хорошего вечера, – произнёс он уже вполне доб-

рожелательно, поколебался пару секунд – и полез обратно в машину. А я поспешила к себе домой, надеясь, что мне повезёт, и Юлька ещё не спит.

*

Дочка не спала, но заснула у меня на коленях, пока я ужинала. И как только я поела, стало легче. Хотя, наверное, дело не в одной еде – дома и стены помогают. А ещё Юлька. Мне всегда становилось легче, когда я брала её на руки.

Утром следующего дня, не успела я продрать глаза и умыться, как зазвонил мобильный телефон.

Это была Лера.

– Привет, Тинка, – вздохнула она мне в ухо. – Я звоню, чтобы извиниться.

– Извиниться? – изумилась я.

– Ага. Чёрный меня вчера отчитал, что забыла тебе про вегетарианство его написать.

У меня дёрнулся глаз.

– Ты извини. Вообще из головы вылетело...

– Лера! – возмутилась я. – У тебя черепно-мозговая травма! Да как он... да как ему не стыдно!

– Назару-то? – хмыкнула Лера. – Не стыдно, уж можешь мне поверить. Знаешь, как он считает? Взялся – выполняй. Единственное оправдание – смерть. А черепно-мозговая травма точно не оправдание.

– Сволочь он, – буркнула я, хмурясь. – Иногда прибить хочется.

– Аналогично, – засмеялась Лера. – Причём с особой жестокостью. Сейчас-то я более-менее привыкла, хотя иногда всё равно накрывает, а вот десять лет назад...

– А он тогда тоже такой был?

– Получше чуть, но не сильно. Дурной характер и палкой не выбьешь. Так что терпи, Тин.

– Да мне недолго терпеть... – пробормотала я с неловкостью. – Чёрный обещал за неделю найти тебе временную замену. А завтра уже среда.

– Обещать не значит жениться, – философски заметила Лера, хихикнула, попрощалась и отключилась.

Жениться на мне он и не обещал, обещал только секретаря найти. Уж секретаря-то можно осилить!

И всё же – гад. Получается, понял, что я не виновата в этой ошибке с борщом – видимо, заглянул на почту, он ведь был в копии письма, – позвонил Лере, отчихвостил, заставил извиниться. А сам извиняться не стал! Сказочная сволочь, да.

Но с другой стороны, Назар Миролюбович вчера мне лицо мокрым платочком протирал, похвалил, домой отвёз и, кажется, хотел накормить. Это очень похоже на извинения. Правда, похоже. Пусть не словами, но действиями.

И разрешил денёк дома отлежаться...

В общем, я его простила. А к вечеру, когда мне стало намного легче, даже решила побаловать и испекла миндальное печенье. Надеюсь, Чёрный такое ест... Впрочем, если не ест, мне же лучше – больше достанется.

А в среду утром я надела платье. И краснела, и бледнела, и злилась на саму себя, но надела. Чёрно-белое, чуть выше колена, но зато без декольте, с воротником под горло, широким таким, как шарф. С моим не до конца прошедшим горлом это было очень кстати.

Явившись на работу, я с замирающим сердцем ждала своего начальника. Высыпала печенье в вазочку – и ждала. Но часы тикали, а Чёрный не появлялся.

В десять в приёмную заглянула Таня Войнова.

– Тиран наш сегодня в суде, – возвестила она с порога свою благую весть. Или не благую? Чёрт разберёт... – К двенадцати в лучшем случае явится. Так что пока расслабься, Тин. Довёл он тебя в понедельник, да?

Понятия не имею, почему, но вместо того, чтобы начать ругать Назара Миролюбовича, я возразила:

– Да я сама виновата, не ела целый день, вот в обморок и брякнулась. – Смутилась и решила поскорее сменить тему: – Слушай, а у него сын, оказывается, есть... Ты знала?

– Конечно, – удивилась Таня. – А ты нет? Ярослав, шесть лет ему сейчас вроде.

– А... – Я хотела сказать «жена», но вместо этого спросила: – А мать?

– Мать! – Войнова скептически фыркнула. – Помнишь «Служебный роман»? «Мать у них был Новосельцев». Вот это про Чёрного в нашем случае. Подробности, конечно, я не знаю. Но слышала, что жена его бывшая здесь работала, соблазнила, забеременела, чтобы женить на себе. А когда поняла, что ребёнок – это навсегда, быстренько свалила, оставив Ярика Назару Миролюбовичу.

Я слушала Таню, открыв рот и вытаращив глаза.

Здесь работала, соблазнила и забеременела?! Боже, неужели это про Чёрного? Он клюнул на какую-то бабу?! С ума сойти. А я думала, он кремень.

Ага, кремень... Вспомни, как он на задницу твою смотрел и ногу оглаживал!

Нет, лучше не вспоминай.

– Так что он у нас одинокий папаша, – продолжала между тем Таня. – Ну как, одинокий... Баба есть, я думаю, не может не быть. Но жены нет. А что? – Войнова улыбнулась. – Нравится?

– Кто? – я даже испугалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.